

Цзинь Цзюнькай

кандидат социологических наук,
старший преподаватель Института Марксизма
Университета Шаньси, Тайюань, КНР;
ассоциированный научный сотрудник
Социологического института ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: jjk@pku.edu.cn

Тан Вэньпэй

доктор философии,
профессор гуманитарного института медицины
Пекинского университета,
Пекин, КНР;
e-mail: tangwp@pku.edu.cn

Михаил Владимирович Синютин

доктор социологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета;
ассоциированный научный сотрудник
Социологического института ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: m.sinutin@spbu.ru

Утверждение советского марксизма в мировой научной среде: опыт работы советской делегации на Втором Международном конгрессе по истории науки и техники

УДК: 001.83(100)(91)

DOI: 10.24412/2079-0910-2022-4-83-109

Двадцатые годы XX в. ознаменовались усилением международного интереса к вопросам истории науки и техники. В Советском Союзе этот интерес совпал с распространением марксизма и реализацией марксистского проекта общественного переустройства. Второй Междуна-

© Цзинь Цзюнькай, Тан Вэньпэй, Синютин М.В., 2022

родный конгресс по истории науки и техники, проходивший в Лондоне с 29 июня по 4 июля 1931 г., стал важной вехой в международном признании советских разработок в области истории науки. К этому времени советское руководство уже стало осуществлять контроль за международными контактами и деятельностью советских ученых. Поэтому советская делегация, во главе с Н.И. Бухариным, оказалась фактически вовлечена в нарастающее идеологическое противостояние западной и советской общественных систем, проявляющееся в контексте научных встреч и дискуссий. Данная статья, основывающаяся на анализе документов из российских архивов, раскрывает, как в сделанных членами советской делегации по возвращении в СССР отчетах формируется дихотомическое восприятие работы международного форума и конструируется ценностное суждение о преимуществах советского марксизма в изучении истории науки. Использование социологических моделей группировок по типу «мы — они» и «свои — чужие» позволяет выяснить, как в назревающем академическом противостоянии научных подходов к истории науки выкристаллизовывались политические приоритеты и идеологические установки советских марксистов.

Ключевые слова: советский марксизм, Второй Международный конгресс по истории науки и техники в Лондоне, история науки и техники, конструирование дискурса, идеологическая борьба.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Института марксизма университета Шаньси в рамках проекта № SXU-SMS-K-2022-09 «Реконструкция советско-российского марксистского дискурса и ее мировое значение». Выражаем свою признательность И.Ю. Бровченко за помощь в ознакомлении с делами по Второму Международному конгрессу по истории науки и техники в Архиве Российской академии наук. Спасибо двум неизвестным нам рецензентам за ценные замечания и рекомендации.

Введение

В последние годы возрастает исследовательский интерес к раннему этапу становления советской науки¹, что объясняется пересмотром ряда прежних суждений

¹ Колчинский Э.И. «Культурная революция» и становление советской науки (1928–1932) // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 577–664; Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг.: западный контекст и советские обстоятельства // НЛЮ. 2007. № 6. С. 10–38; Наука и техника в первые десятилетия советской власти: социокультурное измерение (1917–1940) / Под ред. Е.Б. Музруковой; ред.-сост. Л.В. Чеснова. М.: Academia, 2007; Todes D., Kremensov N. Dialectical Materialism and Soviet Science in the 1920s and 1930s / Eds. W. Leatherbarrow, D. Offord. A History of Russian Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 340–367; Баранец Н.Г., Вревкин А.Б., Ершова О.В., Горшкова А.В. Идеологические установки и советская наука в 1920–1930-е годы // Власть. 2016. Т. 24. № 12. С. 195–199; Груздинская В.С., Метель О.В. Институт красной профессуры: проблемы институционального строительства (1921–1923) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 82–87; Сунельникова Е.Ф. Конструируя советскую науку: научные общества в 1920-е годы // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. Екате-

и оценок в свете совершенствования научного знания и новых поворотов истории. Прежние политические императивы, влиявшие на восприятие ученых, ослабляют свое влияние на фоне текущих общественных процессов. Критическая тональность, широко распространившаяся на рубеже XX–XXI вв., все больше уступает место конструктивным задачам извлечения уроков из исторического опыта СССР. Внедряются современные методы исторических исследований, по-новому раскрывая имеющийся фактический материал. В оборот вовлекаются дополнительные источники данных. В частности, это касается разработок и достижений советских ученых-марксистов в области истории науки и техники. Показательным является появление ряда новых исследований участия советской делегации во Втором Международном конгрессе по истории науки и техники, состоявшемся в Лондоне летом 1931 г.² Хотя в целом они явно расширили степень исторического познания интере-

ринбург: Изд-во Уральского федерального ун-та, 2018. С. 454–463; *Сидорова Л.А.* Миф в советской исторической науке: генерационный аспект // Преподаватель XXI век. 2019. № 1–2. С. 288–297; *Яшина А.В.* Наука как инструмент построения советского государства 1920–1930-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 10. С. 1–9; *Долгова Е.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020.

² *Graham L.R.* The Birth, Withering, and Rebirth of Russian History of Science // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2. No. 2. P. 329–340; *Chilvers C.A.* The Dilemmas of Seditious Men: the Crowter–Hessen Correspondence in the 1930s // *British Journal for the History of Science*. 2003. Vol. 131. P. 417–435; Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Сост. В.М. Орёл, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2003; *Melcón P.H.* El Congreso de Londres de 1931 // *Llull: Revista de la Sociedad Española de Historia de las Ciencias y de las Técnicas*. 2004. Vol. 27. P. 679–704; *Бажанов В.А.* Социальный климат и история науки. Парадоксы марксистской теории и практики // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 11. № 1. С. 146–156; *Freudenthal G., McLaughlin P.* Classical Marxist Historiography of Science: The Hessen-Grossmann-Thesis // *The Social and Economic Roots of the Scientific Revolution* / Eds. G. Freudenthal, P. McLaughlin. Dordrecht: Springer, 2009. P. 1–40; *Skordoulis C.K.* Bukharin and the Social Study of Science // *Studies in East European Thought*. 2015. Vol. 67. P. 75–89; *Omodeo P.D.* After Nikolai Bukharin: History of Science and Cultural Hegemony at the Threshold of the Cold War Era // *History of the Human Sciences*. 2016. Vol. 29. Iss. 4–5. P. 13–34; *Корсаков С.Н., Козенко А.В., Грачева Г.Г.* Борис Михайлович Гессен. 1893–1936. М.: Наука, 2016; *Корсаков С.Н.* Слово товарищу Гессену // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 3. С. 202–204; *Илизаров С.С.* Подведение итогов: члены советской делегации о II (Лондонском) Международном конгрессе по истории науки // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2018. М.: Янус-К, 2018. С. 114–118; 唐文佩 [Tang Wenpei]. 科学的社会文化根源: 赫森论题及其当代价值 [The social and cultural roots of science: The Hessen thesis and its value in contemporary era]. 北京 [Peking]: 科学出版社 [Science Press], 2020; *Смагина Г.И.* «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века / Отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб.: Росток, 2020; *Ienna G., Rispoli G.* The 1931 London Congress: The Rise of British Marxism and the Interdependencies of Society, Nature and Technology // *Journal of History of Science and Technology*. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 107–130; *Aronova E.* Scientific History: Experiments in History and Politics from the Bolshevik Revolution to the End of the Cold War. Chicago: The University of Chicago Press, 2021. 金俊开 [Jin Junkai], 唐文佩 [Tang Wenpei]. 苏联知识史委员会与第二届国际科学技术史大会 [The Soviet Commission on the History of Knowledge and The Second International Congress of the History of Science and Technology] // 自然科学史研究 [Studies in the History of Natural Sciences]. 2021. Vol. 40. No. 1. P. 1–18.

Представительными исследованиями по данному вопросу во второй половине прошлого века являются: *Joravsky D.* Soviet Marxism and Natural Science, 1917–1932. New York: Columbia

сующей проблемы, однако сам способ конструирования полемиического дискурса в рамках работы конгресса выпал из поля зрения исследователей. Важно понять, как конструируется, аргументируется и отстаивается позиция советских ученых. Предлагаемая статья является попыткой восполнить возникший пробел за счет внедрения социологических подходов к коммуникативной деятельности и дискурсивному конструированию (Ю. Хабермас, Н. Элиас, М. Маклюэн, П. Бурдьё, М. Фуко, Р. Барт, Т. ван Дейк, Ш. Джасанофф). Таким образом, мы рассмотрим способы и средства утверждения советскими учеными своего академического статуса в международной среде на отдельно взятом историческом примере.

Важность такого рода исследований усиливается благодаря росту научного интереса к историческому контексту холодной войны, что вызвано текущим обострением геополитической ситуации³. Обращение к довоенному периоду истории помогает понять процессы вызревания последующего политического противостояния СССР и США в годы холодной войны, раскрыть зарождение форм идеологической борьбы социалистического и либерального полюсов, выявить генезис дискурсивных императивов советской науки в международной академической среде. На геополитические интересы в межвоенный период 1920–1930-х гг. наложил весомый отпечаток партийно-классовый момент идеологических процессов. Советское руководство позиционировало себя в качестве сторонников пролетарской идеологии марксистского типа, сформулированной в работах К. Маркса и Ф. Энгельса и продолженной в России творчеством Г.В. Плеханова и В.И. Ленина, и руководствовалось историческими целями преодоления капиталистической фазы общественного развития и построения социализма.

Марксистские императивы в политике стимулировали укрепление марксизма в академической сфере, причем уже на этой стадии в научный дискурс вместе с принципами партийности науки проникли установки идеологической борьбы. Не составили исключения исследования по истории науки и техники. В октябре 1930 г. Н.И. Бухариным, как теоретиком марксизма, была возглавлена комиссия по проведению историко-научных исследований (Комиссия по истории знаний), которая

University Press, 1961; *Vucinich A.* Soviet Marxism and the History of Science // *The Russian Review*. 1982. Vol. 41. No. 2. P. 123–143; *Graham L.R.* The Socio-political Roots of Boris Hessen: Soviet Marxism and the History of Science // *Social Studies of Science*. 1985. Vol. 15. No. 4. P. 705–722; *Poldrack H., Wittich D.* Beiträge sowjetischer Wissenschaftler im Umfeld des Londoner Kongresses 1931 zur Wissenschaftsgeschichte // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. Philos. 1988. Bd. 36. No. 8. S. 747–751; *Wittich D., Poldrack H.* Der Londoner Kongress zur Wissenschaftsgeschichte 1931 und das Problem der Determination von Erkenntnisentwicklung. Berlin: Akademie-Verlag, 1990; *Graham L.R.* Science in Russia and the Soviet Union: a Short History. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1993.

³ *Reynolds D.* Science, Technology, and the Cold War // *The Cambridge History of the Cold War* / Eds. M. Leffler, O. Westad. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 378–399; *Cold War Social Science: Knowledge Production, Liberal Democracy, and Human Nature* / Eds. M. Solovey, H. Cravens. New York: Palgrave Macmillan, 2012; *Science and Technology in the Global Cold War* / Eds. N. Oreskes, J. Krige. Cambridge, Massachusetts: MIT press, 2014; *Science Studies during the Cold War and Beyond: Paradigms Defected* / Eds. S. Turchetti, E. Aronova. New York: Palgrave Macmillan, 2016; *Wolfe A.* Freedom's Laboratory: The Cold War Struggle for the Soul of Science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018; *Kuzmarov J., Marciano J.* The Russians are Coming, Again. The First Cold War as Tragedy, the Second as Farce. New York: Monthly Review Press, 2018.

в 1921 г. в Академии наук в Петрограде была организована во главе с В.И. Вернадским. Позднее, через два года, в 1932 г. на этой базе Н.И. Бухариным был создан Институт истории науки и техники⁴. Параллельно в ответ на призыв В.И. Ленина к союзу философии и естественных наук [Ленин, 1922, с. 6–12] А.М. Деборин и О.Ю. Шмидт объединили вокруг себя московских философов и естествоиспытателей, а сотрудники Коммунистической академии и Института красной профессуры сформировали самую первую марксистскую группу исследователей истории науки. Этим организационным шагам сопутствовала теоретическая работа по разработке марксистского историко-научного метода. Н.И. Бухарин сформулировал и объяснил специфическую коннотацию марксистского взгляда на историю науки в работе «К вопросу об ориентации в работе Комиссии по истории знаний»⁵, где определил единый метод исследования, основанный на диалектическом материализме, и конкретизировал метод исторического материализма применительно к истории науки.

Если учитывать, что ранние формы советской повседневной жизни были проникнуты процессами революционной борьбы и гражданской войны, то идеологическая сторона академической жизни отразила всю палитру классовых конфликтов и борьбы за власть. Гражданское и политическое противостояние усиливает консолидацию вокруг наиболее влиятельных групп, что выражается в конструировании дихотомий по типу «мы — они» или «свои — чужие» и особенно заметно в формировании различных внутрипартийных групп и блоков. Революционный опыт научил большевиков важному искусству отстаивания принципов партийности, обнаружения сторонников и обличения как явных, так и скрытых противников, искусству, нашедшему применение и в международных отношениях. Распространение практик идеологического размежевания позволяет рассмотреть социальные процессы с помощью моделей идентичности по принципу «мы — они» и моделей распределения власти по принципу «свои — чужие». Примерами подобного подхода в социологии выступают концепции социального поля П. Бурдьё и господствующих групп Н. Элиаса [Бурдьё, 2007; *Elias, Scotson*, 1994, p. 16].

Приложение социологических дихотомий к историческому контексту советской истории науки и техники межвоенного периода возможно с разными уровнями приближения и конкретизации. Но исходным выступает способ социальной идентификации индивидов в их групповой принадлежности через общность жизненных смыслов, ценностей, стереотипов и идеалов. Основа самоидентификации советских ученых состоит в общности социалистической идеологии, ценности принципа партийности, стереотипов исторического материализма и марксистских идеалов. Наоборот, идентификация группы «чужих» или буржуазных ученых происходит ввиду обнаружения у них признаков идеализма и позитивизма, принципов буржуазного отношения к науке и враждебных социализму общественных идеалов. Советское государственное и партийное руководство постоянно вносило в публичный дискурс критерии и принципы подобной идентификации, а вместе с тем устанавливало вытекающие из нее отношения ответственности. Сформировавшиеся таким образом принципы скоро стали переноситься на зарубежных деятелей науки. Характерным

⁴ 28 февраля 1932 г. Комиссия по истории знаний была преобразована в Институт истории науки и техники Академии наук СССР (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 154. Оп. 1. Д. 57. Л. 43).

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 35. Л. 6–9.

примером такого переноса стала работа советской делегации на Лондонском конгрессе историков науки и техники в 1931 г.

Второй Международный конгресс по истории науки и техники стал одним из заметных событий в процессе становления современной историографии науки. Он выступил следствием объединения усилий ученых многих стран мира, создавших в 1928 г. на встрече в Осло Международный комитет по истории науки (Comité International d'Historie des Sciences). Появление на Лондонском конгрессе советской делегации было санкционировано высшим политическим руководством СССР и направлено на продолжение борьбы за марксистскую науку на международном уровне. В 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О порядке разрешения вопроса об участии делегаций СССР в международных научных съездах и о составе этих делегаций» и организовало политико-идеологический контроль за ходом формирования международного имиджа советской науки. Решения об участии конкретных лиц принимались Совнаркомом или совещанием председателя Совнаркома СССР с его заместителями и устанавливались специальной комиссией ЦК ВКП(б) по выездам за границу⁶. Поэтому советские участники конгресса уже в определенной мере выступали носителями установок дихотомического характера.

В Лондоне Н.И. Бухарин и другие ученые из СССР впервые масштабно представили зарубежному академическому сообществу советскую версию метода исторического материализма в области истории науки, изложили основные разработки и достижения марксистского исторического науковедения. Несмотря на оживленные споры и обнаружившиеся разногласия, иностранные ученые с нескрываемым интересом восприняли идеи советских делегатов. Об этом красноречиво говорят отчеты в журналах “Science”⁷ и “Nature”⁸. Весьма успешным оказался доклад Б.М. Гессена «Социально-экономические корни механики Ньютона» (*The Social and Economic Roots of Newton's 'Principia'*). Повлияв на методологические изыскания английских марксистов, присутствовавших на конгрессе, идеи Б.М. Гессена в дальнейшем способствовали переходу парадигмы исследования истории науки от интернализма к экстернализму, а также стали источником размышлений о взаимном влиянии науки, техники и общества одного из основателей американской социологии науки Роберта Мертона⁹.

Исследуя работу конгресса, современные ученые главным образом фокусируют внимание: 1) на становлении и институционализации истории и философии науки в Советском Союзе в годы, предшествовавшие конгрессу; 2) на траектории жизненного пути и системе воззрений на историю и философию науки Б.М. Гессена и Н.И. Бухарина как ведущих методологов советского марксизма в наукознании; 3) на ходе самого конгресса и его международном влиянии. Однако скудность исторических материалов и трагическая судьба, постигшая в дальнейшем многих советских делегатов, породила некоторый «разрыв» восприятия этого события в иссле-

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 746. Л. 5.

⁷ Smith D.E. The Second International Congress of the History of Science and Technology // SCIENCE. 14 Aug 1931. Vol. 74. Iss. 1911. P. 175–179.

⁸ Greenwood T. The International Congress of the History of Science and Technology // NATURE. 11 July 1931. Vol. 128. No. 3219. P. 77–79.

⁹ Merton R.K. Science, Technology & Society in Seventeenth Century England // Osiris. 1938. Vol. 4 (2). P. 360–632.

дованиях части западных ученых. Это особенно ярко проявилось в исследованиях деятельности и результатов конгресса. Имеющиеся публикации преимущественно уделяют внимание реакции самого западного мира на это событие, упуская из виду подготовку к конгрессу советской стороны и весь широкий спектр предшествующих и последующих событий.

Итак, в предлагаемой статье используются архивные документы правительственных органов Советского Союза и Российской академии наук, относящиеся к этому событию. На основании отчетов членов советской делегации раскрыты способы конструирования и утверждения советской делегацией ключевых коллективных установок и коммуникативных процедур в ходе Второго Международного конгресса по истории науки и техники. При помощи дихотомичной модели господствующих групп анализируется стратегия действий советских марксистов по установлению своего влияния на участников конгресса¹⁰.

Обзор отчетов членов советской делегации на Втором Международном конгрессе по истории науки и техники

Советское академическое руководство уже в конце 1930 г. было проинформировано о предстоящем Втором Международном конгрессе по истории науки и техники и получило приглашение принять в нем участие¹¹. Начиная с марта 1931 г. такие организации, как Академия наук СССР, Коммунистическая академия, Наркомат просвещения, Сектор научно-исследовательских работ Высшего Совета Народного Хозяйства, начали активно обсуждать перспективы участия в этом мероприятии и готовиться к поездке. 25 апреля Политбюро Центрального комитета ВКП(б) рассмотрело вопрос об участии советской делегации в конгрессе¹². 5 мая был утвержден состав делегации, в которую вошли Н.И. Бухарин, Г.М. Кржижановский, А.Ф. Иоффе, В.Ф. Миткевич, И.П. Павлов (условно), М.И. Рубинштейн, Э.Я. Кольман, Б.М. Гессен, Б.М. Завадовский¹³. Впоследствии Г.М. Кржижановский и И.П. Павлов не поехали в Лондон, а вместо них был направлен Н.И. Вавилов¹⁴. В итоге эта представительная делегация ведущих советских ученых отправилась в Великобританию рейсом немецкой фирмы «Ганза» с пересадкой в Кёнигсберге [Кольман, 1982, с. 172]. Доклады членов советской делегации были переведены на английский язык

¹⁰ Обсуждение понятий “In-group” и “Out-group” см. в работе: *Elias N., Scotson J.L. The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry into Community Problems. London: Sage, 1994.*

¹¹ Первый председатель Комиссии по истории знаний Академии наук В.И. Вернадский во второй половине 1930 г. уже получил неофициальное приглашение, выданное Дикинсоном, почетным секретарем Международного конгресса по истории науки и техники. См.: Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 518. Оп. 4. Д. 121. Л. 7.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 822. Л. 6.

¹³ Там же. Д. 823. Л. 6.

¹⁴ Там же. Оп. 63. Д. 825. Л. 7; Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 198. Л. 50–51.

и вошли в сборник под названием «Наука на перепутье» (*Science at the Crossroads*), вышедший в советском издательстве «Книга» (*Kniga*) в 1931 г.

В современной западной литературе понимание работы Второго Международного конгресса по истории науки и техники в основном строится на знании публикаций в западных журналах и газетах того времени, а также на воспоминаниях западных ученых, участвовавших в конгрессе. Для получения целостной картины хода конгресса недостает впечатлений и оценок участников советской стороны. Западные исследователи оперируют лишь воспоминаниями Э.Я. Кольмана и материалами о переписке Дж. Краузера с Б.М. Гессеном. Из этих работ выпадает большой массив данных, представленных в качестве обстоятельных отчетов советских делегатов, которые они составляли в обязательном порядке по возвращении на родину. В массиве сохранившихся отчетов, подготовленных членами советской делегации после возвращения в Советский Союз, содержится девять документов: пять письменных отчетов и четыре протокола устных докладов.

Объемы письменных отчетов Н.И. Вавилова, В.Ф. Миткевича и А.Ф. Иоффе невелики. 11 ноября 1931 г. Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР (Ученый комитет) потребовал, чтобы академики Академии наук СССР А.Ф. Иоффе, Н.И. Вавилов, В.Ф. Миткевич, члены Комакадемии Э.Я. Кольман и М.И. Рубинштейн представили отчеты в установленной форме о совершенной поездке¹⁵. И 25 декабря 1931 г. руководители комитета торопили Н.И. Вавилова, В.Ф. Миткевича и М.И. Рубинштейна как можно скорее представить ранее упомянутые личные отчеты¹⁶. Возможно, письменные отчеты Н.И. Вавилова, В.Ф. Миткевича и А.Ф. Иоффе были сделаны только по требованию Ученого комитета ЦИК СССР, поэтому содержание отчетов довольно поверхностное. Резонно предположить, что они не очень стремились к их составлению. Несмотря на то что форма отчетов, затребованных Ученым комитетом, в архивах не найдена, по содержанию отчетов вышеназванных академиков можно предположить наличие в ней двух частей — описания личного опыта участия и изложения результатов поездки.

В своем кратком обзоре (31 декабря 1931 г.) В.Ф. Миткевич отметил враждебность организаторов конгресса к советской делегации, которой, по его словам, в итоге удалось, преодолев возникшие трудности, представить свои доклады¹⁷. Он подчеркнул, что доклады, в которых советская сторона раскритиковала преобладающую на Западе точку зрения в исследованиях истории науки, оставили глубокий след в научном сообществе, повысили репутацию советской науки и взволновали многих западных ученых рассуждениями советских делегатов по проблемам методологии, хотя поначалу эта тематика не была включена в повестку дня конгресса. В итоге он подтвердил значимость этой поездки, выразив надежду на публикацию докладов делегации на русском языке¹⁸.

Два отчета Н.И. Вавилова несколько более подробны по сравнению с докладом В.Ф. Миткевича. В первом (за 1931 г.) он подробно рассказал о своем личном опыте 29-дневной заграничной поездки: в Англии он дважды представил докла-

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7668. Оп. 1. Д. 526. Л. 36.

¹⁶ Там же. Л. 37.

¹⁷ Там же. Д. 427. Л. 29. Указанный отчет В.Ф. Миткевича был опубликован в сборнике: [Комиссия по истории знаний, 2003, с. 471–472].

¹⁸ ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 427. Л. 29–31.

ды о положении дел в советской сельскохозяйственной науке, выступил с речью на мероприятии, организованном Обществом культурной связи Англии с СССР, принял участие в церемонии возложения венков советской делегацией к могиле К. Маркса, посетил новую лабораторию в Кембридже и королевские ботанические сады Кью (Kew Gardens), а также другие научно-исследовательские организации по своей специализации. На обратном пути в Советский Союз, проезжая Германию, в ограниченные сроки осмотрел Государственный институт селекции в Мюнхенберге, где подробно ознакомился с новейшими достижениями фитогенетика доктора Баура [Вавилов, 1995, с. 102]. Помимо этого Н.И. Вавилов отметил, что его доклад не только вошел в сборник «Наука на перепутье», но и в русской версии был опубликован в первом номере журнала «Наука и социалистическая реконструкция»¹⁹.

Во второй части отчета о результатах поездки он обратил внимание, что уже дважды направлял сообщения о Лондонском конгрессе съезду работников Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Он пришел к нескольким выводам. Во-первых, весь конгресс продемонстрировал низкий уровень понимания истории в вопросах естественных наук и техники. Что же касается методов диалектического материализма, то, по его убеждению, они совершенно не были представлены ни в одном из докладов, кроме докладов членов советской делегации. Во-вторых, советская делегация стала политическим фокусом внимания различных СМИ, а переведенный сборник докладов советских ученых «Наука на перепутье» имел огромное научное значение. В-третьих, недавние исследования в зарубежной сельскохозяйственной сфере (особенно европейской) мало чем могли вызвать его интерес, темы исследований некоторых агропунктов абсолютно идентичны темам, которыми он занимался 18-ю годами ранее, работая в статусе аспиранта в Кембриджском институте агрономии. В-четвертых, он обнаружил огромный научный интерес к генетическим исследованиям, проводимым в Германии и Англии, поскольку эти исследования не только могут прояснить вопросы эволюции, но и имеют огромное значение для практической селекционной работы в Советском Союзе [Вавилов, 1995, с. 103].

13 марта 1932 г. Н.И. Вавилов еще раз подал дополнительный отчет в ученый комитет, в котором расширил описание своих научных наблюдений, сделанных во время поездки в Великобританию²⁰. В тот же день отчет о поездке представил А.Ф. Иоффе. В его кратком рапорте всего два абзаца, не превышающих 50 слов. Здесь констатировалась политическая и методологическая значимость участия советской делегации в конгрессе, заявлялось, что доклады советской делегации, включая его собственный доклад, привлекли внимание группы профессоров Кембриджского университета, которые уже начали выпускать журнал по вопросам диалектического материализма²¹.

Б.М. Завадовский раскрыл свои впечатления о Лондонском конгрессе в статье для журнала «Фронт науки и техники» за 1931 г. [Завадовский, 1931, с. 85–90].

¹⁹ Здесь допущена описка, этот журнал называется «Социалистическая реконструкция и наука».

²⁰ ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 427. Л. 61–61 об. Этот отчет был опубликован в сборнике: [Комиссия по истории знаний, 2003, с. 483–484].

²¹ ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 427. Л. 51. Отчет А.Ф. Иоффе был опубликован в сборнике: [Комиссия по истории знаний, 2003, с. 484].

В легкой ироничной форме он отметил ленивую праздность западного отношения к научным конгрессам по сравнению с организованной деловитостью советской науки, сразу обозначив классовое различие буржуазного и пролетарского подхода к работе. Социальные корни зарубежной науки если и позволяют им ставить смелые вопросы, то явно не обеспечивают соразмерной решительностью в ответах на них. Уже вокруг предоставления времени на доклады советским ученым развернулась борьба. Б.М. Завадовский отметил заметный негативный фон вокруг появления советской делегации в Лондоне, активно создаваемый местной прессой. Единственная поддержка исходила со стороны немногочисленной группы леворадикальной английской интеллигенции. Таким образом, партийный подход был обозначен в самом начале отчетной статьи Б.М. Завадовского [*Там же*, с. 85]. В этом свете позиции даже самых выдающихся иностранных ученых были обозначены им как наивные и невежественные. Причем, что показательно, даже иностранных участников конгресса он представил как структурированных по отношению к советской науке на враждебную верхушку и сочувствующую рядовую массу. Работу конгресса он интерпретирует в категориях соотношения сил и противоборства позиций советского марксизма и его буржуазных оппонентов.

Б.М. Завадовский подчеркнул большое значение неофициальной коммуникации советских делегатов с участниками конгресса за рамками научных заседаний. Он замечает невысокую подготовленность даже самых молодых и симпатизирующих марксизму иностранных ученых, как, например, биолог Хогбен. Он выделил их полное невежество в области диалектического материализма при некотором среднем знании азов исторического материализма [*Там же*, с. 89]. По признанию Б.М. Завадовского, некоторые английские делегаты конгресса, как профессор Бернал, явственно увидели подготовленность советских ученых к выявлению правильных и неправильных подходов, что абсолютно чуждо западным ученым [*Там же*]. Именно таким передовым мыслителям на Западе советские доклады дали мощный толчок в борьбе против мистики и идеализма за материализм и диалектику в науке буржуазных стран.

Что касается устных отчетов о поездке, то доклад Н.И. Бухарина, сделанный 17 августа 1931 г. на заседании Комиссии по истории знаний Академии наук СССР, и устный доклад Б.М. Гессена, сделанный 20 сентября 1931 г. в обществе физиков-материалистов Коммунистической академии, не были подробно зафиксированы²². В архивах сохранились только краткие сведения о них.

1 августа 1931 г. М.И. Рубинштейн и Б.М. Гессен на заседании президиума Коммунистической академии представили исчерпывающие индивидуальные отчеты²³. Через месяц, 8 сентября, Н.И. Бухарин на очередном заседании президиума Коммунистической академии, как глава делегации, еще раз подробно доложил обо всем процессе участия в конгрессе, а Э.Я. Кольман, как партийный секретарь группы, внес дополнения к выступлению Н.И. Бухарина²⁴. Записи этого доклада превышают

²² СПбФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 154. Л. 10; АРАН. Ф. 351. Оп. 1. Д. 128. Л. 39.

²³ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 427. Л. 1–28. Указанный доклад М.И. Рубинштейна был частично опубликован в 1931 г. в № 8–9 «Вестника Коммунистической академии», отчет Б.М. Гессена напечатан в № 3 журнала «Эпистемология и философии науки» за 2018 г. [*Рубинштейн*, 1931, с. 93–100; *Гессен*, 2019, с. 205–210].

²⁴ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 411. Л. 1–46.

PROGRAMME ARRANGEMENTS.					
Monday, 29th June.					
3.00 p.m.	Inaugural Session opened by the President of the Board of Education. Presidential Address.				
4.30 p.m.	Reception at Science Museum by the Director, Sir Henry Lyons, and Lady Lyons.				
9.00 p.m.	Reception by the President and Mrs. Singer at the Royal Society of Medicine, 1 Wimpole Street.				
Tuesday, 30th June.					
9.30 a.m.	Session at Science Museum. Themes: "The Sciences as an integral part of general historical study." and "The teaching of the history of Science."				
10.00 a.m.	<table border="0"> <tr> <td>Visit to National Gallery.</td> <td rowspan="3">} Alternatives for Associates not attending Congress Session.</td> </tr> <tr> <td>Visit to Tower of London.</td> </tr> <tr> <td>Visit to Chelsea Studios.</td> </tr> </table>	Visit to National Gallery.	} Alternatives for Associates not attending Congress Session.	Visit to Tower of London.	Visit to Chelsea Studios.
Visit to National Gallery.	} Alternatives for Associates not attending Congress Session.				
Visit to Tower of London.					
Visit to Chelsea Studios.					
1.00 p.m.	Members will be entertained to lunch at: (1) London School of Economics, Houghton Street, Aldwych, by the Director, Sir William Beveridge, or (2) Crosby Hall, Chelsea Embankment, by the British Federation of University Women, or (3) Kings College for Women, by the Warden, Miss H. Reynard, or (4) Westfield College, Hampstead, by the Principal, Dr. Eleanor C. Lodge.				
2.30 p.m.	<table border="0"> <tr> <td>Visit to National Portrait Gallery.</td> <td rowspan="2">} Alternatives.</td> </tr> <tr> <td>Visit to British Museum.</td> </tr> </table>	Visit to National Portrait Gallery.	} Alternatives.	Visit to British Museum.	
Visit to National Portrait Gallery.	} Alternatives.				
Visit to British Museum.					
4.30 p.m.	Reception at Royal Society, Burlington House, by the President, Sir Frederick Hopkins, and Lady Hopkins.				
9.00 p.m.	Reception at Royal Institution, Albemarle Street, W. 1, by the Managers.				
Wednesday, 1st July.					
9.15 a.m.	Assemble at King's Cross, for visit to Cambridge (approximate cost 15/-). Visits to				
for 9.30 a.m.	Colleges and University Laboratories. Members will be entertained to Luncheon at Caius College. Tea at Botanic Gardens.				
6.00 p.m.	Departure from Cambridge. Evening free.				
Thursday, 2nd July.					
10.00 a.m.	Session at Science Museum. Theme: "Historical and Contemporary inter-relationship of the physical and biological sciences."				
10.00 a.m.	<table border="0"> <tr> <td>Visit to Hampton Court.</td> <td rowspan="2">} Alternatives for Associates not attending Congress Session.</td> </tr> <tr> <td>Visit to Zoological Gardens, Regents Park.</td> </tr> </table>	Visit to Hampton Court.	} Alternatives for Associates not attending Congress Session.	Visit to Zoological Gardens, Regents Park.	
Visit to Hampton Court.	} Alternatives for Associates not attending Congress Session.				
Visit to Zoological Gardens, Regents Park.					
2.30 p.m.	<table border="0"> <tr> <td>Visit to Barbers' Hall, Monkwell Street, Falcon Square, E.C.</td> <td rowspan="2">} Alternatives.</td> </tr> <tr> <td>Visit to Natural History Museum, South Kensington.</td> </tr> </table>	Visit to Barbers' Hall, Monkwell Street, Falcon Square, E.C.	} Alternatives.	Visit to Natural History Museum, South Kensington.	
Visit to Barbers' Hall, Monkwell Street, Falcon Square, E.C.	} Alternatives.				
Visit to Natural History Museum, South Kensington.					
4.30 p.m.	Reception at Institute of Historical Research, Malet Street, W.C. 1				
9.00 p.m.	Evening Reception.				
Friday, 3rd July.					
10.00 a.m.	Session at Science Museum. Theme: "Interdependence of Pure and Applied Science."				
10.00 a.m.	Visit to Kensington Palace.				
10.30 a.m.	<table border="0"> <tr> <td>Visit to Zoological Gardens, Regents Park.</td> <td rowspan="2">} Alternatives for Associates not attending Congress Session.</td> </tr> <tr> <td>Visit to Tower of London.</td> </tr> </table>	Visit to Zoological Gardens, Regents Park.	} Alternatives for Associates not attending Congress Session.	Visit to Tower of London.	
Visit to Zoological Gardens, Regents Park.	} Alternatives for Associates not attending Congress Session.				
Visit to Tower of London.					
1.00 p.m.	Members will be entertained to Luncheon at the Lyceum Club by the International Board of the Club, and elsewhere (numbers limited).				
2.30 p.m.	<table border="0"> <tr> <td>Visit to Royal Botanic Gardens, Kew.</td> <td rowspan="2">} Alternatives</td> </tr> <tr> <td>Visit to Down House, Kent, the home of Darwin.</td> </tr> </table>	Visit to Royal Botanic Gardens, Kew.	} Alternatives	Visit to Down House, Kent, the home of Darwin.	
Visit to Royal Botanic Gardens, Kew.	} Alternatives				
Visit to Down House, Kent, the home of Darwin.					
9.00 p.m.	Banquet, May Fair Hotel, Berkeley Square (Tickets 12/6 each).				
Saturday, 4th July.					
9.30 a.m.	Assemble Regent Street Polytechnic for Varsity bus for Visit to Oxford (approximate cost 15/-). Members will visit places of interest, including Old Ashmolean (Lewis Evans Collection of Scientific Instruments) by invitation of the Keeper, Dr. R. T. Gunther.				
1.00 p.m.	Members will be entertained to luncheon in Colleges.				
1.00 p.m.	An Independence Day Luncheon will be given by The Provost, Dr. Allen Mawer and Mrs. Mawer at University College, Gower Street, London.				

Рис. 1. Программа Конгресса²⁵
Fig. 1. The program of the Congress

8 400 слов. По сравнению с письменными отчетами академиков устные выступления намного более содержательно описывают состоявшийся конгресс. Отмечено, что на нем звучали три основные темы: история науки как неотъемлемая часть истории; взаимосвязи физики и биологии; отношения между чистой наукой и прикладной наукой²⁶. М.И. Рубинштейн дал последовательный критический обзор каждого доклада трех отделений, Н.И. Бухарин «разложил по полочкам» имевшие место в ходе поездки столкновения позиций советской делегации с позициями организаторов конгресса, различных печатных изданий и ученых, а также немногочисленные совпадения взглядов.

²⁵ ГА РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 526. Л. 20 об.

²⁶ Там же. См. рис. 1.

Любопытно рассмотреть дискурсивную аргументацию, используемую М.И. Рубинштейном при описании выступлений. Первый же докладчик Лисмит идентифицируется в контексте классового подхода как лейборист с пацифистскими настроениями. Поэтому неудивительными выглядят упования англичанина на отставание морального прогресса от материального. М.И. Рубинштейн отметил методологическую установку западных исследователей науки на изучение биографий великих ученых, что, конечно, уступает советской методологии исторического материализма, призванной раскрывать общественные условия научной работы. Взгляды профессора Холдейна (старшего) он определяет как идеализм и неовитализм. Схоже интерпретируется подход профессора Росселя как возврат к аристотелизму. С сарказмом перечисляются доклады, рассматривающие науку в качестве способа возвышения человеческой души. Делается вывод о полной теоретической беспомощности современной капиталистической науки. Дихотомичность воспринимаемой атмосферы конгресса вокруг советской делегации показана в определении отечественных ученых как инородного тела в чуждой среде.

Представители западного материализма обозначаются иными тонами. Профессор Хогбен характеризуется как участник антивоенных выступлений, подвергнувшийся за это аресту. Так, М.И. Рубинштейн в присущем советским делегатам духе распознает в конструировании академического дискурса идеологические нотки. Подчеркнуто, что профессор Хогбен рассматривает историю науки в связи с социальной средой, а саму научно-исследовательскую работу как социальную функцию. Однако советские делегаты сочувственно видят в подобных выступлениях лишь уровень механистического материализма, явно уступающий советским методам материалистической диалектики.

Стоит обратить внимание на высказывание о конгрессе профессора Бернала, приведенное М.И. Рубинштейном: «Русские явились, фалангой, единообразно вооруженной марксистской диалектикой, но они не встретили организованной (ordered) оппозиции, а вместо нее лишь недисциплинированную толпу, неподготовленную и вооруженную плохо подобранными индивидуальными философиями» [Рубинштейн, 1931, с. 99]. Это суждение позволяет оценить атмосферу конгресса даже со стороны «чужих» советской делегации ученых в схожем с советским восприятием дискурсе противоборства.

В содержании расширенных отчетов Н.И. Бухарина, М.И. Рубинштейна и Б.М. Гессена в общих чертах можно выделить пять коренных моментов.

Во-первых, английская сторона была преисполнена враждебности по отношению к советской делегации, “Daily Mail” и ряд других английских изданий искажали факты, всячески преувеличивая политическую подоплеку визита в Англию советской стороны. Однако были и такие издания как “The Manchester Guardian”, “The Observer” и т. д., которые достаточно объективно освещали участие в конгрессе советской стороны.

Во-вторых, в ходе конгресса цели визита советской делегации в основном не были достигнуты целиком. В силу нюансов организации конгресса, а также из-за ряда других внешних причин советской стороне не дали возможности представить свои доклады в полном объеме, к тому же среди западных участников конгресса не было самых выдающихся ученых и историков науки, так же как не было и ученых, знакомых с диалектическим материализмом, что не позволило осуществить ожидаемую академическую дискуссию.

В-третьих, доклады советской стороны и составленный на их основе сборник «Наука на перепутье» вызвали интерес молодых английских ученых левого политического крыла. Г. Дж. Ласки и другие делегаты от Великобритании отметили, что суждение Б.М. Гессена о Ньюtone является единственным новым взглядом на исследования Ньютона на данном конгрессе, посвященном его памяти [Рубинштейн, 1931, с. 94]; Дж. Бернал в статье под названием «Наука и общество», напечатанной в “The Observer”, осыпал похвалами выступления советских делегатов.

В-четвертых, для повышения осведомленности Запада о советском научном мире и с учетом страстного желания молодых ученых левого крыла ознакомиться с достижениями советской науки Н.И. Бухарин и другие предложили увеличить контакты с Западом в сфере науки: 1) активно участвовать в международных конференциях по философии, физике, математике и другим областям науки, устраиваемых в западном мире; 2) организовать международный конгресс в Советском Союзе и пригласить западных ученых посетить СССР; 3) посредством периодических изданий и другими способами знакомить Запад с положением дел и результатами исследований в советской науке.

В-пятых, Л.Т. Хогбен, М.Х. Добб, Дж. Краузер и другие ученые, создавшие «Группу материализма», выразили надежду на создание в Англии материалистического журнала и стремились получить в этом помощь Советского Союза. Советская сторона максимально серьезно отнеслась к созданию и организации указанного журнала. Однако Б.М. Гессен отметил, что идеологически члены кружка все еще находятся на стадии «механистического материализма», уровень их крайне низок, поэтому не следует просто переводить на английский язык имеющийся материал по диалектическому материализму, поскольку невозможно гарантировать, что они по-настоящему смогут осознать его идеи, следует рассказывать им самые элементарные вещи²⁷. Н.И. Бухарин говорил: «...эти самые силы из молодых биологов и естественников попросили меня на особое закрытое совещание с ними для того, чтобы помочь им в организации материалистического журнала. Я считаю это чрезвычайно важной чертой в особенности для Коммунистической академии, потому что мне кажется, что такому журналу мы должны всеми силами, какие есть в нашем распоряжении, помочь и дать им известную помощь, качественно хорошую, не какой-нибудь второразрядный халтурный материал, а все, что можем дать лучшее, чтобы поддержать их в борьбе против теологического фронта, против металлистов и пр.

Нужно сказать, что придется считаться с тем, что вы их сразу 100%-ными диалектиками не получите. Они должны быть сами воспитаны в духе диалектического материализма»²⁸.

После рассмотрения текстов отчетов в нашем исследовании предстоит выявить практики выстраивания советскими делегатами взаимодействия с зарубежными

²⁷ Б.М. Гессен считал, что книга лидера лейбористской партии Г.Д. Ласки о коммунизме стоит на низком уровне и Ф.П. Рамсей совершенно не имеет представлений о диалектическом материализме [Гессен, 2019, с. 206]. Стоит отметить, что когда Бернард объяснял Беатрис Уэбб в 1939 г. огромное влияние Конгресса на него, Холдейна и Хогберна, он упомянул: «...мы не до конца понимали, что они говорили в то время, и даже сейчас сомневаюсь, смогут ли они полностью понять сами, но в то время мы осознали, что здесь было что-то новое и с огромными возможностями в мышлении» [McGucken, 1984, p. 73].

²⁸ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 411. Л. 41–42.

коллегами, прессой и публикой, а также способы притязаний и утверждения лидерского положения в мировом научном сообществе историков науки.

Дискурсивное конструирование и коммуникативные техники советских ученых на Лондонском конгрессе

Отчеты членов советской делегации на Лондонском конгрессе вкупе с дополнительными историческими документами и свидетельствами позволяют обозначить проблему стратегий и способов формирования концептуальной позиции, а также иерархического статуса в системе координат международного академического сообщества. Разделив проблему на две составляющих, посмотрим сначала на техники конструирования, коммуникации и аргументации, предложенные советскими учеными.

Для этой цели, как показал американский социолог Джордж Стейнмец [Steinmetz, 2018, p. 13], очень полезной оказывается теория социального поля Пьера Бурдьё. Она помогает преодолеть трудности соединения исследовательских программ биографического микроуровня и социального макроуровня. Таким образом, индивидуальные исторические события рассматриваются в сложном историческом контексте через поля взаимодействия социальных агентов, наполненные символами и смыслами их практических интересов. Для истории науки эта связка представляется крайне важной. Другими словами, речь идет о диалектике личного и общественного в научной деятельности.

Появление ученых из СССР в Великобритании на международном конгрессе представляется для современных исследователей как раз такой ситуацией, когда в одном поле взаимодействия появляются разные символические конструкты и интеллектуальные программы, подобно ситуациям перемещения научного капитала, обстоятельно рассматриваемым П. Бурдьё [Bourdieu, 2004]. Попытаемся, насколько это нам позволяют фактические данные, посмотреть на коммуникативные техники и дискурсивное конструирование, которые применяли советские делегаты в процессе взаимодействия с другими агентами социального поля Лондонского конгресса. Особое внимание обратим на стратегию представления собственной советской марксистской идентичности («свои») через противопоставление зарубежной буржуазной науке («чужие»).

Если руководствоваться положением, что различия между группами являются основным источником определения стратегий и их реализации, то момент групповой идентичности становится важным компонентом принятия решений в имеющейся поведенческой ситуации социального поля. Поскольку наш исследовательский интерес направлен исключительно на советскую делегацию, то симметричные компоненты поведения иностранных ученых будут лишь подразумеваться и выноситься за скобки. Хотя нам, конечно же, известно об аналогичных коммуникативных техниках принижения и стигматизации по отношению к советским марксистам и идеализации западной науки, используемых со стороны как иностранных ученых, так и прессы вместе с публикой, но мы стремимся объяснить процессы формирования собственно советской позиции на Лондонском конгрессе.

Ключевым элементом самоидентификации советской науки было такое картографирование окружающей картины мира, в которой СССР представлялся соци-

альным антиподом западному буржуазному сообществу. «Своим» представлялся ученый, руководствующийся марксистским мировоззрением и диалектико-материалистической методологией научной работы. Поэтому даже внутри советского научного сообщества было широко распространено оценивание ученых именно с помощью этих критериев. Не удивительно, что подобные приемы переносились на внешнее академическое сообщество. К этой марксистской компетенции добавлялось умение обосновывать свою научную работу в фарватере политики партии и советского государства. Отсутствие такого умения сразу идентифицировало человека как «чужого», находящегося под влиянием буржуазного способа мышления. Существенным условием легитимации «своих» и стигматизации «чужих» выступает публичное пространство, где особенно заметны доминирующие формы общественного мнения, средства массовой информации, политические силы и структуры. Транслируемый ими идеальный образ «своих» постепенно закрепляется или же признается его легитимность, усиливается взаимозависимость, создается новая монополия символов.

Стоит указать на то, что во многих отчетах, а также публикациях Б.М. Завадовского и М.И. Рубинштейна о ходе конгресса красной линией проходит мысль о незнании и неподготовленности к восприятию зарубежной наукой теории диалектического материализма. Этот прием сразу фреймировал деятельность в социальном поле конгресса таким образом, что символически обозначалась невозможность равнопорядковой научной коммуникации. Подтверждением тому служили выводы о нереализованности планов по конструированию связей с мировыми учеными ввиду слабости коллег, а также упование на то, что материалистически ориентированная английская молодежь сохраняет перспективы продолжения сотрудничества с СССР. Насколько можно судить из отчетов и отчетных публикаций, способы аргументирования, используемые советской делегацией, аналогично строились на приоритетном значении умения пользоваться диалектическим материализмом. Хотя, возможно, реальная значимость таких приемов аргументации может быть преувеличена ввиду краткости обзоров, а также высокой степени их публичности и демонстративности по отношению к советскому политическому дискурсу.

Стоит учитывать, что в межвоенный период науки еще не достигли современного глобального масштаба и даже в рамках первых международных конгрессов еще сохраняли значимый национальный облик. Это обстоятельство содействовало реализации процессов поддержания национальной идентичности через коммуникативные и дискурсивные процедуры среди ученых разных стран. Поскольку национальная самоидентичность советских ученых носила в значительной мере не этнический, а классовый характер, то коммуникативные и дискурсивные процедуры постоянно апеллировали к социалистическим целям Советского Союза и буржуазным устремлениям зарубежных государств. Для этого советские ученые применяли политические характеристики зарубежных коллег, зачатую предпосылая их научным концепциям и создавая необходимый идеологический фон восприятия личности ученого. Также широко в этих целях применялся принцип партийности науки и идентификация персоналий с ориентацией на принадлежность либо к материализму, либо к идеализму, в разнообразных версиях. М.И. Рубинштейн даже откровенно признается, что советская делегация могла рассчитывать на определенные ожидания [*Рубинштейн*, 1931, с. 96], когда подобные коммуникативные приемы будут ошибочно расцениваться как намеренное политизирование научной работы ради

обострения отношений. Подобное признание в отношении не членов своей группы позволяет нам усмотреть в стратегии советской делегации не столько форму нормативной деятельности, если пользоваться терминологией Хабермаса, но большую вероятность драматургической деятельности, когда акторы стремятся контролировать публичный доступ к собственной субъективности [Хабермас, 2022, с. 108].

Смысловое единство, лежащее в основе дискурсивного конструирования советскими учеными на Лондонском конгрессе, исходило из формирующихся структур советской науки, построенной на новаторских инициативных практиках широкой государственной поддержки и контроля с целью экономического и образовательного развития СССР. Марксистская аргументация роли науки в советском обществе носила характер общих стандартов и стереотипов и укрепляла сложившееся институциональное единство научного сообщества в СССР. Наконец, сильной стороной в плане консолидации для конструирования дискурса выступала мировоззренческая целостность, получившая распространение среди советских ученых. Осознание этих моментов позволяло делегатам из СССР формировать свои концептуальные позиции, не опасаясь конфликтов с оппонентами. Более того, цели визита предполагали не только достижение взаимопонимания, а борьбу и критику враждебных позиций. Насколько это представлялось важным, свидетельствуют советские историки философии Б.А. Чагин и В.И. Клушин: «Первые шаги социалистического культурного строительства встретили яростное сопротивление буржуазных идеологов, с которыми сомкнулись западноевропейские ревизионисты, меньшевики, троцкисты и другие оппортунистические движения внутри партии» [Чагин, Клушин, 1986, с. 17]. Таким образом, внешнее противостояние накладывалось на внутреннее.

Если вслед за П. Бурдые полагать, что конфликты в научном пространстве представляются структурными противоречиями в научной борьбе за приобретение или производство научного капитала и символов между исследователями или научными группами как основными субъектами пространства, то советские коммуникативные и дискурсивные практики на Лондонском конгрессе вполне могут быть расценены как инструменты реализации своих интересов в конфликтном социальном поле. Поскольку, как уже было замечено, разные стороны академического сообщества конгресса по-разному стремились конструировать научный дискурс в целях своего доминирования, важным становится момент соприкосновения. Советская делегация стремилась не уступать инициативу даже в вопросах, не касающихся научного содержания, как например, контроль над временем докладов, регулирование процедур работы конгресса, формат общения с прессой, что объяснимо, поскольку статус гостей уступал бразды правления английской стороне. Это подтверждается фразой Н.И. Бухарина в его отчетном вступлении на заседании: «Надо сказать, что эта борьба за время, за наши речи на этом конгрессе, все контрмеры, которые мы принимали, это имело совершенно ясный, политический смысл»²⁹. В дискурсе, конструируемом советскими делегатами, доступ к влиятельным действиям зарубежных делегатов контролировался так, что последние лишались возможности оспорить истинность, правильность и значимость высказываний относительно методологии истории науки.

Активность советской стороны вполне соответствует, на наш взгляд, модели утверждения групп согласно теории господствующих групп Н. Элиаса [Elias, 2009].

²⁹ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 411. Л. 6.

По этой модели обе стороны изначально имеют определенные возможности контроля в отношении друг друга, это и есть так называемая взаимозависимость. Такая зависимость проявляется в необходимости учитывать действия оппонента. В процессе противостояния стороны все больше зависят от хода всей игры. В нашем случае с социальным полем научного конгресса разные стороны пользовались набором средств утверждения своей группы (established group) в противовес оппонентам (outsiders). Согласно Н. Элиасу, набор в высшей степени несбалансированных действий между двумя группами можно разделить на четыре идеальных типа: 1) придание харизмы представлению «своих» о себе; 2) стигматизация «своими» образа «чужих»; 3) интернализация самостигматизации «чужих»; 4) придание харизмы «чужими» образу «своих»³⁰. Но если понимать, что в реальности идеальные типы всегда выступают перемешанными, то можно с некоторой долей условности попытаться экстраполировать это на ситуацию Лондонского конгресса.

Советские делегаты вполне осознанно исходили из соображения о необходимости повышения авторитета советской науки: как выразился Н.И. Бухарин на отчетном заседании, надо перестать быть провинциалами в науке. Советские ученые стремились к дискурсу, где они занимают доминирующее положение. Никто из делегатов нигде не пожаловался на трудности понимания зарубежных теорий. Наоборот, констатировался их примитивный характер, а также заявлялось о неготовности иностранцев к освоению диалектического материализма. Характерен также прием добавления в научный дискурс политизированных сюжетов, принижающих зарубежную науку. Так, Н.И. Бухарин начал свой доклад с наступательно ироничной фразы: «Организация конгресса вопреки всем словам относительно хваленой английской демократии, индивидуальной свободы и т. д. носила в высшей степени своеобразный, можно сказать в высшей степени автократический характер, правда, с известным уклоном к матриархату, потому что во главе организации всего конгресса стояла жена председателя конгресса м-ра Зингера»³¹. Причем для принижения «чужих» он специально ради смеха зала назвал ее «зубастой женщиной», что явно служило актом уничижительной стигматизации. Другим примером может послужить указание в отчетной статье Рубинштейна на самоуничижительные суждения западных ученых относительно плохого состояния их наук [*Рубинштейн*, 1931, с. 99].

В нашем представлении уверенность советских ученых в превосходстве когнитивных процедур своего научного языка вела к осознанию неуязвимости позиций в социальном поле конгресса при выборе коммуникативных техник. Такая стратегия распределения интерпретативных усилий подтверждает правильность гипотезы Н. Хомского и Р. Бервика относительно первичности когнитивных функций языка перед коммуникативными³². Однако было бы неверно в нашем случае рассматривать эту приоритетность вне стратегических задач успеха в социальном поле конгресса. Таким образом, уже анализ коммуникативных и дискурсивных практик советской делегации подводит нас к вопросу относительно притязаний на лидерство в международных исследованиях истории науки.

³⁰ О «групповой харизме» и «групповом позоре» подробнее см.: [*Elias*, 2009, pp. 73–81].

³¹ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 411. Л. 4.

³² Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2018.

Стратегии утверждения лидерства советских историков науки на Лондонском конгрессе

В ходе Второго Международного конгресса по истории науки и техники обнаружилось противостояние двух противоположных групп ученых в истории науки: с одной стороны, советской делегации, придерживающейся диалектического материализма, и, с другой стороны, западных ученых, сторонников биографически-идеалистических подходов. Обе группы выдвигали притязания на лидерство, пользуясь при этом разнообразными средствами и методами. На стороне западных ученых были рычаги руководства конгрессом, положение хозяев мероприятия, численное преобладание, убежденность в первенстве европейской науки, поддержка средств массовой информации и публики. Однако организационно и идейно они были значительно разобщены. Кроме того, они не были нацелены на осуществление интерпретативных усилий по конструированию доминирующего дискурса и имели сравнительно слабую мотивацию к предпринимаемым усилиям по утверждению своего лидерства, не ожидая сильного противостояния в этих плоскостях с советской стороны.

Советская делегация была немногочисленна, но хорошо подготовлена как к научной дискуссии, так и к борьбе за лидерские позиции в академической среде. Поэтому как группе им оказалось сподручнее реализовывать стратегии доминирования, полагая себя в качестве лидерской группы (*established group*) по отношению к многочисленной, разобщенной и менее искушенной в борьбе за авторитет массы зарубежных ученых (*insider group*). Советской стороной активно использовались приемы, выявленные Н. Элиасом как инструменты доминирования лидерских групп, например, нелестные уничижительные характеристики, обвинения в недоразвитости и дикости, признания невежественности и некультурности. В то же время советской науке вменялось теоретическое превосходство, моральная чистота, идеологическая значимость для исторического прогресса. Подчеркивалось участие выдающихся ученых с советской стороны и отсутствие таковых среди иностранных делегатов. Подобные приемы содействовали формированию иерархического отношения, где господствующей становилась активно-конструирующая сторона советской делегации, а более пассивная западная научная общественность на конгрессе становилась ведомой и подчиненной.

В противостоянии советских и иностранных ученых совпали идеологический антагонизм и расхождение исследовательских методов. К этому добавилось, как нам видится, состояние некоторой психологической реверсии, когда возникает стремление избежать положения объекта чужой деятельности, поскольку таковое расценивается как морально постыдное и практически уязвимое. Обе стороны противостояния старались занять положение субъекта взаимодействия, усиливая контроль над оппонентами и сужая таким образом возможности оппонента к контролю и лидерству. Однако сценарии советской группы оказались более адаптивными для их реализации.

Несмотря на то что советские отчетные доклады были предназначены для своей группы, каковой была советская академическая публика, такого рода деконструкция стигматизированного образа «своих» и идеального образа «чужих», созданного ими самими, инверсии его в идеальный образ «своих» и стигматизированный образ «чужих» показывают продуманную и подготовленную стратегию действий группы

советских историков науки по укреплению их самоидентификации. Более того, оперативность, с которой советская делегация сумела перевести и издать в Лондоне свои доклады, свидетельствует о высокой гибкости и маневренности советской стратегии утверждения лидерства. Немаловажно и то обстоятельство, что советские делегаты ощущали гораздо большую сетевую зависимость от советской академической системы, чем от международного научного сообщества. Зарубежные ученые привыкли интерпретировать работу на конгрессах как индивидуальные репрезентации, слабо ощущая ответственность за некую социальную группу, в то время как советские ученые привыкли представлять интересы общественного развития своей страны и социалистического развития в целом. Помимо этого, ощущение, что иностранные оппоненты не могут уязвить сильнее, чем советская академическая среда, придавало дополнительную уверенность в борьбе за лидерство. Связи с советской академической средой и советским обществом («свои») были настолько сильны, а внутренняя структура его настолько автономна, что интерпретативные усилия советских делегатов не вызвали проблему значимости соглашения с иностранным («чужим») дискурсивным конструированием, чтобы воспроизводить задачи вовлечения в международное научное сообщество.

Следует учесть, что политически значимое положение Н.И. Бухарина как высокопоставленного партийного и государственного деятеля СССР бросало недвусмысленный вызов британскому истеблишменту, где левые оказались в тот момент на подъеме. Его воспринимали как классового и политического врага, который «намеревается спровоцировать в стране забастовки, беспорядки и даже мятеж и свергнуть английское правительство» [Tang, 2020, p. 16]. Поэтому британская сторона также активно пользовалась приемами принижения советских ученых с целью утверждения своего и так предполагаемого ими а priori лидерства. Помимо политизации целей, консервативная пресса и большинство ученых вынесли суждение о советской делегации, в котором отмечали грубое поведение, корявую речь, догматичные взгляды, вульгарные методы и наличие множества лакун в содержании [Ibid., p. 17–23]. Кроме того, советским ученым приписывались тайные политические цели, что опровергают советские архивные документы по отчетам делегатов. Если уж непременно говорить о существовании некой «секретной миссии», то, возможно, следовало бы указать на поручение уговорить П.Л. Капицу вернуться в Советский Союз, данное И.В. Сталиным Э.Я. Кольману на тайной встрече накануне поездки [Кольман, 1982, с. 176]. Но и оно не было по существу политическим, а тем более не нацеливалось ни на британскую науку, ни на британское общество.

Формулировка легитимации стигматизации «своими» «чужих» часто происходит через культурное посредничество. Британские газеты “Daily Mail”, “The Morning Post” и другие издания стали важными инструментами в очернении советской стороны. Они на протяжении всего пребывания советской делегации в Англии практически в каждом выпуске публиковали нелицеприятные статьи об участии Советского Союза в конгрессе, например: «Русские пятилетки — нападение на цивилизацию» [Рубинштейн, 1931, с. 96] и т. п. Наоборот, в докладах советской делегации деконструкция стигматизированного образа велась путем разоблачения лжи указанных газетных публикаций.

Н.И. Бухарин и М.И. Рубинштейн вспоминали, как один журналист в интервью спросил Э.Я. Кольмана о его профессиональной сфере, на что тот ответил, что является профессором математики. На следующий день в “Daily Mail” было опублико-

вано большое интервью с Н.И. Бухариным, где говорилось, что он назвал себя математиком. Очевидно, что это интервью было беззастенчивой выдумкой журналиста³³. После этого случая советские представители прилагали всяческие усилия для устранения неразберихи, пытались объяснить, что Н.И. Бухарин никогда не давал интервью никому из журналистов “Daily Mail”, но направленное в редакцию “Daily Mail” письмо с разъяснениями не было напечатано. Другие издания также не осмелились напечатать это письмо во избежание судебных разбирательств с влиятельной и богатой газетой [*Там же*]. Это событие хорошо иллюстрирует логику того, что газеты могут сочинить небывлицы и избегать ответственности, а их политизированная трактовка участия советской делегации в конгрессе выступает не более чем намеренным принижением позиции «чужих» в борьбе за утверждение собственного лидерства.

В борьбе на конгрессе обращает на себя внимание принижение и стигматизация образа оппонента по причине несхожести сторон. Относительно самого Лондонского конгресса советские представители указывали на недостатки с организацией, способами коммуникации и даже уровнем участников. М.И. Рубинштейн сетовал, что за пять дней конгресса только три дня утром было отведено лишь по три часа на выступления с докладами, а все оставшееся время проводились приемы, экскурсии, банкеты и другие мероприятия (программу мероприятий конгресса можно посмотреть на рис. 1). Тогда как для западных ученых подобного рода мероприятия привлекали большой интерес, главной целью советских делегатов рассматривалось выступление со своими докладами, заслушивание докладов других ученых и осуществление академического диалога. Соображения британцев, что «во время завтрака гораздо лучше и легче познакомиться друг с другом и обменяться мнениями, чем на официальных заседаниях, и, если продлить заседания, делегаты очень устанут, а у всех только что начались университетские каникулы», продемонстрировали явную несхожесть смысловых структур деятельности ученых на конгрессах [*Там же*, с. 93].

На Лондонском конгрессе советским ученым не удалось представить доклады в том виде, как они это планировали. Н.И. Бухарин и М.И. Рубинштейн отмечали, что время выступления докладчиков было очень коротким, в основном 5–15 минут. Н.И. Бухарин по этому поводу шутил: «Мы, как известно, привыкли к 4 часам, если не больше»³⁴. Во время выступлений в рамках официальной повестки конгресса советские делегаты испытывали серьезные ограничения. Им приходилось за пять, а иногда даже за три минуты завершать свои доклады, а М.И. Рубинштейну даже не позволили выступить. Это также стало одной из причин требования организовать отдельный «советский день». Организаторы конгресса воспринимали его в качестве «камня преткновения». «Они готовились к советскому дню, — отмечал Н.И. Бухарин, — и мы готовились к советскому дню»³⁵. Хотя на изначально отведенное для посещения Оксфорда время специального советского заседания могли попасть только участники конгресса и те, кто купил именной билет, «но, тем не менее, советский день собрал очень большое количество народа»³⁶.

Советская сторона, пославшая сильную делегацию, была крайне разочарована низким, по ее мнению, качественным составом участников западной стороны.

³³ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 411. Л. 25.

³⁴ Там же. Л. 5.

³⁵ Там же. Л. 16

³⁶ Там же.

Н.И. Бухарин говорил: «...наиболее крупных английских ученых на этом конгрессе не было. Это надо иметь в виду. Например, Оксфордский университет, Кембриджский университет были представлены крайне небольшим количеством лиц, а самые крупные величины, звезды первой величины Лондона на этом конгрессе отсутствовали. — Но если вы возьмете всерьез, то даже такая фигура как Сартон, известный историк знаний, то и он тоже не присутствовал на этом конгрессе»³⁷. Аналогично М.И. Рубинштейн пожаловался в своем отчете, что в Конгрессе не приняли участия первоклассные европейские ученые, такие как А. Эйнштейн [Рубинштейн, 1931, с. 97].

Н.И. Бухарин и Б.М. Гессен весьма пренебрежительно отзывались о понимании материализма «левыми» английскими интеллектуалами Хогбенем, Ласки, Краузером и другими [Гессен, 2019, с. 206]. Одним словом, исходя из различий в методах научного познания, оценке уровня участников конгресса и степени понимания ими материализма советские представители негативно оценивали научный уровень, методику и отношение к исследованиям «чужих».

Стоит сказать, что в протоколе заседания Коммунистической академии, на котором Н.И. Бухарин делал отчет о поездке в Лондон, 25 раз стоит пометка «смех», что, как мы думаем, свидетельствует об убежденности в превосходстве советской науки³⁸. Неважно, была ли это насмешка над собой или над оппонентами, эти приемы служили утверждению собственного господства в социальном поле.

Следует учитывать, что единство внутри группы выступает важным фактором предотвращения ее внутреннего саморазрушения. Н.И. Бухарин, Б.М. Гессен, М.И. Рубинштейн подчеркивали, что делегаты, как партийные, так и беспартийные, активно и единодушно использовали и пропагандировали теорию диалектического материализма. Возможно, подобное акцентирование внимания связано с появлением напряженности, царившей в советских академических кругах после таких публично значимых событий, как, например, полемика деборинской и механистической школ, борьба со школой А.М. Деборина, реформа АН СССР и др., и содержит стремление продемонстрировать «своим» лояльность и сплоченность членов делегации. Вполне резонно допустить, что делегаты с советской стороны были специально отобраны для успешной реализации стратегии утверждения лидерства советской науки.

Когда объект действия ориентирован внутрь группы советских делегатов, легитимность вышеупомянутых двух образов преимущественно достигается через положительную оценку посредника «чужих», чтобы усилить групповое сознание и групповую идентичность советских марксистов в дихотомии «свои — чужие». К примеру, советские ученые активно подтверждали положительные сообщения “The Manchester Guardian” и “Nature”, признавая серьезность и достоверность этих газет и журналов [Гессен, 2019, с. 207; Рубинштейн, 1931, с. 97–98], подчеркивали дружелюбность к советской делегации, советской науке и материализму со стороны Бернала, Хогбена, Краузера. Н.И. Бухарин и М.И. Рубинштейн активно пересказывали статьи Бернала, опубликованные в “The Observer”, и т. д.³⁹ [Рубинштейн, 1931, с. 98], показывая аудитории, как «чужие» смотрят на «своих» снизу вверх. Ча-

³⁷ Там же. Л. 13–14.

³⁸ Там же. Л. 5.

³⁹ Там же. Л. 21–22.

стичный раскол среди «чужих» и проявление некоторыми из них близости к материализму в науке и советской политике предоставили важную возможность усилить собственную лидирующую позицию через интерпретацию слабости позиции оппонентов. Это также выступает шагом в сторону признания «чужими» значимости и авторитета противостоящей им конструкции дискурса.

За счет внешних сторонников советская делегация демонстрирует способность внедрить в группу «чужих» в качестве своих агентов уже имеющихся идейно близких к Советскому Союзу ученых и печатные издания [Гессен, 2019, с. 206], чтобы улучшить желаемое ими восприятие Западом Советского Союза и увеличить взаимозависимость обеих сторон. В результате это должно способствовать быстрому международному распространению ключевых идей советской науки и принципов диалектического материализма. Н.И. Бухарин, Э.Я. Кольман, М.И. Рубинштейн, Б.М. Гессен и остальные делегаты активно выступали за реализацию этих задач путем организации и участия в конференциях, переводах и прочих средств. Для повышения авторитета советской науки в конце доклада от 8 сентября Н.И. Бухарин высказался о поступившем ему предложении одного «выдающегося ученого»⁴⁰ учредить «сверхнобелевскую премию, чтобы она по своему количеству была на пятак больше нобелевской, — такую роль играет Нобелевская премия, особенно теперь во время кризиса. Назначьте хорошую премию обязательно выше Нобели хотя бы на немного, а вы за него место Нобелевской премии, — только всего»⁴¹. Эта на первый взгляд меркантильная, но чрезвычайно разумная идея может интерпретироваться как стремление «своих» осуществить попытку приобрести новую монополию символов через множество легитимированных посредников.

В результате мы пришли к выводу, что успешность советской стратегии борьбы за лидерство была связана с ориентацией не на взаимопонимание с зарубежными учеными, а на продвижение советской картины жизненного мира. Подобный приоритет усиливал значимость контроля с советской стороны над доступом к инструментам понимания конструируемых ими смыслов на фоне отчасти вынужденной, отчасти спонтанной доступности аналогичных инструментов, используемых в отношении зарубежных конструкций.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило успешность применения социологических подходов к коммуникативной деятельности и дискурсивному конструированию в сфере изучения истории науки. На историческом примере работы делегации советских ученых на Втором Международном конгрессе по истории науки и техники в 1931 г. социологическая методология дала новые результаты. Взаимодействие с зарубежными учеными раскрыло ряд закономерностей и стратегий утверждения лидерских групп. Советская делегация, оказавшаяся в сравнительно чуждой и враждебной среде, сумела реализовать стратегию по утверждению своего лидерства в международном научном сообществе историков науки через подготовленные прак-

⁴⁰ Так сформулировано в оригинале архива, но там не указано, кто этот «выдающийся ученый».

⁴¹ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 411. Л. 46.

тики интерпретативных усилий. Преимущество советской стороны проявилось через умелое использование марксизма в качестве теоретического орудия исторического познания, превосходящего различные формы идеализма, свойственного зарубежной науке, через организационную консолидированность, разнообразную мотивационную силу и готовность к интерпретативным усилиям, превосходящие оппонентов, через политизированность и государственную поддержку советской науки. Несмотря на противоборство в борьбе за доминирующее академическое положение, приемы советской делегации оказались более подготовленными и действенными, а приемы оппонентов — ожидаемыми и контролируемые советской стороной. Получило подтверждение положение, что стигматизация и идеализация являются основными стратегиями действия конструкции и деконструкции между «своими» и «чужими», а культурный посредник — это один из основных инструментов осуществления этих стратегий.

Содержательный анализ отчетов членов советской делегации на Лондонском конгрессе раскрыл четыре взаимосвязанных момента. Во-первых, британская сторона враждебно отнеслась к присутствию советской делегации на конгрессе, пресса извращала факты и преувеличивала политические цели визита советской стороны. Во-вторых, в ходе конгресса советским ученым не удалось полностью реализовать цель академического обмена по причине жестких организационных рамок проведения мероприятия и отсутствия как ведущих мировых ученых, так и тех, кто способен к обсуждению методологии диалектического материализма. В-третьих, доклады советской делегации вызвали интерес молодых британских ученых, так что они даже обратились за помощью к советской стороне в деле создания в Великобритании научного материалистического журнала. В-четвертых, советские ученые во главе с Н.И. Бухариным инициировали запрос к советскому правительству укреплять обмены с Западом в области науки, активно участвовать в западных международных конференциях в области философии, физики, математики и других областях, приглашать западных ученых к участию в международных конференциях в Советском Союзе, а также знакомить иностранцев с развитием и достижениями советской науки через издание журналов или другими способами. Таким образом, допустимо сделать вывод, что советская делегация в целом успешно осуществила свою работу в рамках Второго Международного конгресса по истории науки и техники и подготовила почву для укрепления лидерских позиций на международной арене в области истории науки.

Источники

Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 350. Оп. 1. Д. 411, 427; Ф. 351. Оп. 1. Д. 128; Ф. 5. Оп. 4. Д. 121.

Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 198.

Гессен Б.М. Выступление на заседании президиума Коммунистической академии. 1 августа 1931 г. // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 55. № 3. С. 205–210.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7668. Оп. 1. Д. 427, 526.

Завадовский Б.М. Второй международный съезд в Лондоне // Фронт науки и техники. 1931. № 9. С. 85–90.

Н.И. Вавилов: Документы. Фотографии / Сост. Н.Я. Московченко и др. СПб.: Наука, 1995. 168 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 746; Оп. 63. Д. 825; Оп. 163. Д. 822, 823.

Рубинштейн М. О поездке на международный конгресс в Лондон по истории науки и техники // Вестник Коммунистической академии. 1931. № 8–9. С. 93–100.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 154. Оп. 1. Д. 35, 57, 154.

Литература

Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб.: АЛТЕЙЯ, 2007. 288 с.

Кольман Э.Я. Мы не должны были так жить. New York: Chalidze, 1982. 367 с.

Комиссия по истории знаний, 1921–1932 гг.: из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: сборник документов / Сост. В.М. Орёл, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2003. 765 с.

Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 6–12.

Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века / Отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб.: Росток, 2020. 672 с.

Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.

Чагин Б.А., Клушин В.И. Исторический материализм в СССР в переходный период 1917–1936 гг. Историко-социологический очерк. М.: Наука, 1986. 439 с.

唐文佩 [Tang Wenpei]. 科学的社会文化根源: 赫森论题及其当代价值 [The social and cultural roots of science: The Hessen thesis and its value in contemporary era]. 北京 [Peking]: 科学出版社 [Science Press], 2020.

Bourdieu P. Science of Science and Reflexivity. Chicago: University of Chicago Press, 2004. 129 p.

Elias N., Scotson J.L. The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry into Community Problems. London: Sage, 1994. 252 p.

Elias N. Group Charisma and Group Disgrace // Essay III. On Sociology and the Humanities. Vol. 16 of The Collected Work of Norbert Elias. Dublin: University College Dublin Press, 2009. P. 73–81.

McGucken W. Scientists, Society and State. The Social Relations of Science Movement in Great Britain, 1931–1947. Columbus: Ohio State University Press, 1984. 381 p.

Steinmetz G. How and Why Do We Write the History of the Social Sciences? A Historical Excavation of Meaning Allows a Better Grasp of Buried Significations and Connotations // The Institute Letter, Institute for Advanced Study (Princeton). Spring 2018. P. 12–13.

The Establishment of Soviet Marxism in the International Scientific Environment: Experience of the Soviet Delegation at the Second International Congress on the History of Science and Technology

JIN JUNKAI

School for Marxism Studies, Shanxi University,
Taiyuan, China;
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;
e-mail: jjk@pku.edu.cn

TANG WENPEI

Peking University,
Peking, China;
e-mail: tangwp@pku.edu.cn

MIKHAIL V. SINYUTIN

Saint Petersburg State University;
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;
e-mail: m.sinutin@spbu.ru

1920s were marked by increased international interest in the history of science and technology. In the Soviet Union, this interest coincided with the spread of Marxism and the implementation of the Marxist project of social reconstruction. The Second International Congress on the History of Science and Technology, held in London from June 29 to July 4, 1931, became an important milestone in the international recognition of Soviet developments in the field of the history of science. By this time, Soviet leadership had already begun to exercise control over international contacts and the activities of Soviet scientists. Therefore, the Soviet delegation, headed by N.I. Bukharin, was actually involved in the growing ideological confrontation between the Western and Soviet social systems, which manifested itself in the context of scientific meetings and discussions. This article, based on the analysis of documents from the Russian archives, reveals how the reports made by the members of the Soviet delegation upon their return to the USSR form a dichotomous perception of the work of the international forum and construct a value judgment about the advantages of Soviet Marxism in the study of history of science. Using the sociological models of groupings by type “us — them” and “established — outsiders” allows us to find out how the political priorities and ideological attitudes of Soviet Marxists crystallized within the framework of academic confrontation between scientific approaches to the history of science.

Keywords. Soviet Marxism, 2nd London Congress, history of science and technology, construction of discourse, ideological struggle.

Acknowledgments

The research was carried out with support from the School for Marxism Studies of Shanxi University according to the research grant No SXU-SMS-K-2022-09 “Reconstruction of the Soviet-Russian Marxist discourse and its global significance”. The authors express gratitude to I.Yu. Brovchenko for his help in getting acquainted with the archives of the Second International Congress on the History of Science and Technology in the Archive of the Russian Academy of Sciences.

The authors also would like to thank the two anonymous reviewers for their helpful comments and suggestions.

References

- Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk* [The Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 350, op. 1, d. 411; f. 350, op. 1, d. 427; f. 351, op. 1, d. 128; f. 518, op. 4, d. 121.
- Bourdieu, P. (2004). *Science of Science and Reflexivity*, Chicago: University of Chicago Press.
- Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya social'nogo prostranstva* [Sociology of social space], Moskva; S.-Peterburg: ALETEYA (in Russian).
- Chagin, B.A. Klushin, V.I. (1986). *Istoricheskiy materializm v SSSR v perekhodnyy period 1917–1936 gg. Istoriko-sotsiologicheskii ocherk* [Historical materialism in the USSR during the transition period of 1917–1936], Moskva: Nauka (in Russian).
- Elias, N., Scotson, J.L. (1994). *The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry into Community Problems*, London: Sage.
- Elias, N. (2009). Group Charisma and Group Disgrace, in *Essay III. On Sociology and the Humanities. Vol. 16 of The Collected Work of Norbert Elias*, Dublin: University College Dublin Press.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation], f. 7668, op. 1, d. 427, 526.
- Habermas, Y. (2022). *Teoriya kommunikativnoy deyatelnosti* [The theory of communicative action], Moskva: Ves Mir (in Russian).
- Hessen, B.M. (2019). Vystupleniye na zasedanii prezidiuma Kommunisticheskoy akademii. 1 avgusta 1931 g. [Speech at the presidium session of the Communist Academies. August 1, 1931], in *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 55 (3), 205–210 (in Russian).
- Kolman, E.Y. (1982). *My ne dolzhny byli tak zhit'* [We should not have lived that way], New York: Chalidze (in Russian).
- Lenin, V.I. (1922). O znachenii voinstvuyushchego materializma [On the significance of militant materialism], *Pod znamenem marksizma*, no. 3, 6–12 (in Russian).
- McGucken, W. (1984). *Scientists, Society and State. The Social Relations of Science Movement in Great Britain, 1931–1947*, Columbus: Ohio State University Press.
- N.I. Vavilov: Dokumenty. Fotografii* (1995) [N.I. Vavilov: Documents. Photos], S.-Peterburg: Nauka (in Russian).
- Orel, V.M., Smagina, G.I. (Eds.) (2003). *Komissiya po istorii znaniy, 1921–1932 gg.: Iz istorii organizatsii istoriko-nauchnykh issledovaniy v Akademii nauk: sbornik dokumentov* [Commission on the history of knowledge, 1921–1932: from the history of the organization of historical and scientific research at the Academy of Sciences: a collection of documents], S.-Peterburg: Nauka (in Russian).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [The Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, op. 3, d. 746; op. 63, d. 825; op. 163, d. 822, 823.
- Rubinstein, M. (1931). O poyezdke na mezhdunarodnyy kongress v London po istorii nauki i tekhniki [About the trip to the International Congress on the history of science and technology in London], *Vestnik Kommunisticheskoy Akademii*, no. 8–9, 93–100 (in Russian).

Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [St Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 154, op. 1, d. 35, 57, 154.

Smagina, G.I. (2020). “*Poznat’ nauku istoricheski...*”: *rossiyskaya istoriya nauki v pervyye desyatiletiya XX veka* [“To cognise science historically...”: Russian history of science in the first decades of the 20th century], S.-Peterburg: Rostok (in Russian).

Steinmetz, G. (2018). How and Why Do We Write the History of the Social Sciences? A Historical Excavation of Meaning Allows a Better Grasp of Buried Significations and Connotations, in *The Institute Letter, Institute for Advanced Study (Princeton)*, Spring 2018, pp. 12–13.

Tang, Wenpei (2020). *The social and cultural roots of science: The Hessen thesis and its value in contemporary era*, Peking: Science Press (in Chinese).

Zavadovsky, B.M. (1931). Vtoroy mezhdunarodnyy s’yezd v Londone [The second International Congress in London], *Front nauki i tekhniki*, no 9, 85–90 (in Russian).